

На правах рукописи

Папкова Елена Алексеевна

ТВОРЧЕСТВО ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА 1910–1920-х гг.
ТЕКСТОЛОГИЯ, БИОГРАФИЯ, КОНТЕКСТЫ

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2022

Работа выполнена в Отделе новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»

Научный консультант:

Корниенко Наталья Васильевна, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»

Официальные оппоненты:

Солнцева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Васильев Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»

Захарова Виктория Трофимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «16» марта 2023 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д. 24.1.080.03 при ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук: www.imli.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации рассматриваются несколько периодов творчества Всеволода Вячеславовича Иванова: сибирские годы (1915–1920), когда под влиянием масштабных исторических событий формировались мировоззренческие и творческие установки писателя; период 1921–1923, в произведениях которого нашли отражение прежде всего пережитые им события революции и Гражданской войны; 1923–1927 гг., отмеченные созданием важнейшей книги писателя «Тайное тайных». Произведения этих лет анализируются с точки зрения их текстологии, представлены в контексте биографии писателя и широком историческом, политическом, культурном и литературном контекстах.

Актуальность диссертационного исследования определяется возросшим за последние два десятилетия научным и читательским интересом к русской литературе и истории советского периода, а также к творчеству Вс. Иванова, восприятие которого существенно изменилось. С одной стороны, этому способствовала серьезная источниковедческая и исследовательская работа начала 2000-х гг. В центральных и региональных архивах и сибирской периодике было выявлено и введено в научный оборот около ста неизвестных ранее произведений Иванова сибирского периода, которые вошли в издания: «Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества» (отв. ред. Е.А. Папкина; М.: ИМЛИ РАН, 2010), *Иванов Вс. Тайное тайных* (отв. ред. Н.В. Корниенко, подготовлено Е.А. Папкиной; М.: Наука, 2012. Серия «Литературные памятники»), *Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма* (сост. Вяч.Вс. Иванов, Е.А. Папкина; науч. ред. Н.В. Корниенко; Новосибирск: ИД «Свинын и сыновья», 2015), «Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы» (отв. ред. В.В. Полонский, сост. Е.А. Папкина; М.: ИМЛИ РАН, 2017); «Всеволод Иванов “Бронепоезд 14-69”»: Контексты эпохи» (отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкина; М.: ИМЛИ РАН, 2018), ряд публикаций Ю.П. Зародовой, Н.И. Левченко, И.Е. Ложилова, А.А. Штырбула, В.Н.

Яранцева преимущественно в сибирских изданиях. С другой стороны, новому пониманию творчества Иванова указанного периода способствовала «архивная революция» в России. Начиная с 1990-х гг. в научный оборот было введено большое количество архивных материалов и документов, проясняющих события 1917–1920 гг. Неизвестные ранее стороны биографии Иванова этого периода по-разному отразились в творчестве писателя 1910–1920-х гг., определили ключевые темы и направления его творчества указанного периода. Необходимым, закономерным и актуальным научным осмыслением этих неизвестных ранее фактов и является данное диссертационное исследование.

Степень разработанности проблемы. В последние годы жизни писателя и особенно после его смерти, в 1960–1980-е гг., о периоде 1910–1920-х гг., в том его виде, в каком в это время были представлены в печати тексты Иванова и известна его биография, писали многие исследователи; см. статьи, выступления, монографии Е.И. Беленького, А.В. Галузо, Л.А. Гладковской, Н.В. Зайцева, Л.Н. Ивановой, А.И. Клитко, Е.А. Краснощековой, М.В. Минокина, Л.А. Пудаловой, В.П. Скобелева, В.П. Трушкина, Е.Л. Цейтлина, Э.Г. Шика, Н.Н Яновского.

Новый этап изучения биографии и творчества Иванова 1910–1920-х гг. начался в 2000-е гг. В течение последних двух десятилетий исследования ведутся по нескольким основным направлениям. Прежде всего это существенное расширение источниковедческой базы произведений писателя. В 2006 г. под руководством члена-корр. РАН Н.В. Корниенко и при поддержке директора Института мировой литературы имени А.М. Горького академика А.Б. Куделина в ИМЛИ РАН была создана научная группа, включавшая ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Саратова, а также членов семьи писателя, перед которыми стояла задача ввести в научный оборот не опубликованные при жизни произведения Иванова разных лет из семейного и других архивов. В разделе «Сибирский период творчества Всеволода Иванова 1915–1921 гг.» издания «Неизвестный Всеволод Иванов:

Материалы биографии и творчества» было републиковано более семидесяти не печатавшихся с 1910-х гг. стихотворений, рассказов, сказок, легенд и очерков писателя.

Началом нового этапа осмысления биографии Иванова периода Гражданской войны и прозы писателя, посвященной этому периоду, стала работа С.Н. Поварцова «Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова)», где автор рассматривал сотрудничество Иванова в 1919 г. с фронтовой газетой «Вперед», редактором которой являлся полковник В.Г. Янчевецкий (будущий писатель-историк В. Ян)¹. Последовавшее за публикацией тщательное обследование газетных фондов РГБ и РНБ, а также фондов ГАРФ, привели к выявлению нами ряда новых источников прозы писателя о Гражданской войне – статей и корреспонденций Иванова в газетах «белой» армии «Вперед» и «Сибирский казак». Тексты вошли в издание «Всеволод Иванов “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи», подготовленное совместными усилиями филологов, историков и краеведов из Москвы, Омска и Новосибирска Ю.П. Зародовой, И.Е. Лощиловым, Н.В. Корниенко, Е.А. Папковой, А.А. Штырбулом, а также в публикацию в журнале «Сюжетология и сюжетология»².

Тогда же, в 2000-е гг. началась научная работа по установлению исторических, политических, культурных и реальных контекстов хорошо известных произведений Иванова. Это относится к повести и пьесе «Бронепоезд 14-69» и к подвергнутой жесткой критике в двадцатые и последующие годы XX в. книге «Тайное тайных» (1926). Результаты работы вошли в подготовленное в серии «Литературные памятники» переиздание книги, освобожденной от редакторского искажения текста, в монографию Е.А. Папковой «Книга Всеволода Иванова “Тайное тайных”: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции» (М.: ИМЛИ РАН, 2012), а

¹ Поварцов С.Н. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова) // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 168–189.

² Папкова Е.А., Лощилов И.Е. Всеволод Иванов. Корреспонденции из газеты «Вперед» (август – сентябрь 1919 г.) // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 7–38.

также в издании «Всеволод Иванов “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи» и способствовали новому пониманию этих произведений писателя.

Публикация неизвестных ранее текстов и републикация известных произведений определили направление и характер новых исследований, посвященных творчеству Иванова 1910–1920-х гг. В большинстве своем таковыми стали научные статьи О.Ю. Алейникова, Л.Н. Анпиловой, Р. Банерджи, О.В. Быстровой, А.В. Громовой, Ю.П. Зародовой, Вяч.Вс. Иванова, Н.В. Корниенко, Н.И. Левченко, И.Е. Лощилова, Д.С. Московской, Т.М. Николаевой, Е.И. Погорельской, Л.В. Суматохиной, Е.А. Тюриной, М.А. Черняк, А.А. Штырбула, Ю.Б. Орлицкого, Л.П. Якимовой, В.Н. Яранцева, рассматривающие различные контексты биографии и творчества писателя. Текстология произведений Иванова отражена в нескольких наших публикациях. Часть этих исследований была представлена в форме докладов на научных конференциях последних лет: Международной научной конференции «Русская литература XX века и революция 1917 года. К 120-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (Москва, ИМЛИ РАН, 2015), Литературно-краеведческих Ивановских чтениях (Новосибирск, Городской центр истории Новосибирской книги, 2015–2018 гг.), Международной научной конференции «Писатели-сибиряки и Сибирь в русском литературном процессе XX века. К 125-летию со дня рождения Вс.В. Иванова и В.Я. Зазубрина и 75-летию со дня смерти В.Я. Шишкова» (Москва, ИМЛИ РАН, Институт филологии СО РАН, 2020). Исследование поэтики, мотивно-сюжетный анализ произведений Иванова 1920–1940 гг. и установление контекстных пересечений их с творчеством Л.М. Леонова, К.А. Федина, Б.А. Пильняка, М.А. Шолохова и других писателей XX в. нашло отражение в монографии Л.П. Якимовой «”При жизни произведен в классики”. Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века» (Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019).

В настоящем диссертационном исследовании выдвигается следующая **научная гипотеза**. Творческий путь Вс. Иванова начался за несколько лет до

публикации в 1921 г. в Петрограде повести «Партизаны». Мировоззрение и художественные принципы писателя формировались в Сибири в период с конца 1915 до начала 1921 гг., ознаменованный крупнейшими событиями в истории России XX в. Источниками ключевых направлений творчества Иванова 1910–1920-х гг. во многом послужили неизвестные ранее факты биографии писателя: связь с областническим движением, непосредственное участие в Гражданской войне, общение с партийной и творческой интеллигенцией Сибири, с казаками и крестьянами Сибирского казачьего войска. Размышления политиков и писателей-современников 1910 – начала 1920-х гг. об идеальном общественном устройстве нашли отражения в прозе писателя, посвященной крестьянскому социальному идеалу. Контексты эпохи определили разработку важнейших тем, выбор типа героев, сюжетов и приемов поэтики в произведениях писателя, авторский замысел которых стал очевидным после освобождения их от цензурных искажений.

Объектом исследования является творчество Вс. Иванова 1910–1920-х гг., совокупность известных и выявленных в последние годы текстов его художественных и документальных произведений этого времени.

Материалом исследования послужили прозаические и драматургические произведения разных периодов творчества писателя. Достаточно подробно анализируются малоизвестные или совсем неизвестные ранние сибирские легенды, сказки, рассказы, как включенные автором в книги «Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917 г. Курган – Омск», «Рассказы», «Рогульки», так и печатавшиеся отдельно; статьи и очерки мирного времени; политические статьи, памфлеты, очерки периода Гражданской войны. Из трех «партизанских повестей» Иванова наибольшее внимание уделено центральному произведению этого периода – повести «Бронепоезд 14-69», а также одноименным пьесе и сценарию; рассмотрены рассказы книги «Седьмой берег», автобиографические рассказы о Гражданской войне: «Рассказы о себе», «Егорка Хвощ» («Лощина Кара-Сор»), «Рассказы об Октябре», «Как создаются курганы», «Происшествие на

реке Тун» и др.; повести «Возвращение Будды» и «Гибель Железной», роман «Голубые пески». Среди произведений периода 1923–1927 гг. выделена главная книга Иванова – «Тайное тайных».

Предмет исследования – текстология, биография Вс. Иванова, исторический, политический, философский и литературный контексты прозы и драматургии писателя 1910–1920-х гг.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить, какие факты биографии Иванова 1910–1920-х гг., исторические, политические, культурные, философские и литературные контексты определили выбор, понимание и трансформацию ключевых тем и направлений творчества писателя этого периода.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи:**

- описание источников и систематизация ранних сибирских произведений Иванова, определение их роли в становлении дальнейшего творчества писателя;

- выявление первоначального авторского замысла центральных произведений Иванова 1920-х гг.: повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» и книги «Тайное тайных» – на основе текстов, освобожденных от цензурного вмешательства;

- определение исторических, культурных, философских и литературных контекстов произведений Иванова о прошлом, настоящем и будущем Сибири, обоснование обращения писателя к культуре Востока как ориентиру на историческом пути Сибири и страны в целом;

- характеристика группы произведений о Гражданской войне, выявление их биографических, исторических и политических контекстов, анализ трансформации темы в творчестве Иванова 1910 – второй половины 1920-х гг. и в позднем творчестве.

– описание прозаических произведений Иванова, посвященных социальному идеалу, анализ соотношения в них идеологических установок революционной эпохи и народного понимания идеального общества;

– классификация произведений 1920-х гг. с «беловодской» тематикой, образующих литературный контекст повести «Бегствующий остров», завершающей книгу «Тайное тайных», определение места повести Иванова в ряду этих текстов.

Научная новизна. В работе систематизированы и проанализированы совокупность неизвестных ранее сибирских произведений Иванова и фактов его биографии периода 1917–1920 гг., стоявших у истоков ключевых направлений и тем творчества писателя предреволюционных и пореволюционных лет. Произведения Иванова впервые рассматриваются в контексте исторических событий первой трети XX в.: политической борьбы и военного противостояния в Сибири, философских споров о Востоке и Западе как возможных направлениях пути Сибири и страны в целом, социальных и духовных проблем периода нэпа. Определена одна из ведущих тем Иванова 1910–1920-х гг. – тема общественного идеала, рассмотренная в контексте как политических концепций идеального общества того времени, так и традиций русских народных утопических легенд, а также созданных на их основе литературных произведений.

Методология. В работе использованы историко-биографический, историко-литературный, сравнительный методы, а также локально-исторический метод филолога-краеведа Н.П. Анциферова, основанный на изучении «художественной местнографии»³.

Методологической базой стали труды по истории и теории литературы (в том числе и по творчеству Вс. Иванова), текстологии, истории и культуре Сибири, истории Гражданской войны К.В. Анисимова, Е.И. Беленького, Г.Н. Воронцовой, А.Г. Гачевой, И.Г. Девятьяровой, Вяч.Вс.

³ *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920 – 1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 5.

Иванова, А.И. Клибанова, Н.В. Корниенко, И.Е. Лоцилова, М.В. Минокина, Д.С. Московской, Д.Д. Николаева, С.Н. Поварцова, Е.И. Погорельской, Н.Н. Примочкиной, С.Г. Семеновой, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина, К.В. Чистова, М.В. Шиловского, В.И. Шишкина, А.А. Штырбула, Н.И. Шубниковой-Гусевой, Л.П. Якимовой и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии, с одной стороны, текстологического анализа художественных произведений советской эпохи, текст которых существенно искажался редакторской правкой, затемняющей или изменяющей авторский замысел. С другой стороны – в развитии контекстно-биографического подхода к пониманию творчества писателя, который позволяет через призму биографий активных участников культурной, литературной и политической жизни выявить некоторые общие закономерности в изучаемых исторических процессах и их отражении в художественных текстах.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут применяться для написания комментария к научным изданиям произведений Вс. Иванова исследуемого периода, использоваться при дальнейшем изучении творчества писателя этих и последующих лет, а также в целом истории русской литературы первой половины XX в.; результаты исследования могут быть востребованы в лекционных и семинарских курсах филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ранние сибирские произведения Вс. Иванова 1910-х гг., ставшие, с одной стороны, рецепцией областнических идей, а с другой – имевшие тесную связь с новокрестьянской литературой, а также отразившие реальные впечатления, полученные писателем в «белой столице» и на «красном» и «белом» фронтах, стали источниками для ключевых тем его творчества 1920-х гг.

2. Освобожденные от цензурных искажений центральные произведения Иванова 1920-х гг. открыли подлинный авторский замысел – показать

правоту и заблуждения разных противоборствующих сил в период Гражданской войны, художественно представив их практически с равной степенью глубины и полноты («Бронепоезд 14-69»); раскрыть глубокий духовный кризис народной жизни, вызванный революцией, Гражданской войной и периодом нэпа («Тайное тайных»).

3. Произведения Иванова 1910–1920-х гг. показали внимание писателя к исторически значимому культурному прошлому Сибири, понимание раскола, слабости и задач ее «строителей» в настоящем, размышления о будущем как Сибири, так и страны в целом, которое, по его мнению, предпочтительно должно быть ориентировано на ценности культуры Востока.

4. Непосредственными источниками образов и сюжетов произведений Иванова о Гражданской войне стали не только известные, но в основном неизвестные ранее факты биографии писателя 1917–1919 гг.: партийная работа в Кургане и Омске, сотрудничество в фронтовой газете «Вперед», «красный» и «белый» фронт, общение с представителями различных социальных слоев (мужиками-солдатами, казаками, творческой интеллигенцией), партий и политических направлений – от участников большевистского подполья до областников и убежденных сторонников «белой» идеи, которые нашли отражения в прозе этого периода.

5. Гражданская война в творчестве Иванова изначально была представлена противоречиво, отразив различие целей крестьянства, военной, творческой и демократической интеллигенции, отчасти рабочих и непонимание этих целей автобиографическим героем; на протяжении 1910–1920-х гг. тема претерпела существенную трансформацию: от показа борьбы за разрушаемую большевиками Россию, борьбы крестьянства за землю до осознания бессмысленности и трагедии братоубийственной войны.

6. Историко-политические, культурно-философские и биографические контексты во многом определили типологическое сходство героев, проблематику и поэтику ряда произведений Иванова: на протяжении 1910–

1920-х гг. персонажами их часто становились странники и правдоискатели, мечтавшие о спасении мира, о далеких «спокойных» и хлебородных землях, утопические легенды о которых писатель создавал с опорой на фольклорные источники.

7. В 1920-е гг. русскими писателями, в том числе и Ивановым, был создан комплекс произведений с близкой поэтикой, опирающихся на народную утопическую легенду о Беловодье, которые были вызваны к жизни как непосредственно революцией, так и пореволюционными событиями, в частности – сомнениями в «правильности» реальной власти в стране и стремлениями к народной, прежде всего крестьянской власти. В повести «Бегствующий остров», завершающей книгу «Тайное тайных», Иванов предпринял попытку скорректировать два социальных идеала: утверждаемые новой властью социализм и коммунизм и русский народный утопический идеал праведной и справедливой земли.

Апробация работы состоялась на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях, среди которых: Международная научная конференция «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» (23–26 июня 2014 г., Государственный литературный музей, ИМЛИ РАН), тема доклада: «"Попутчики революции" И. Бабель и Вс. Иванов в литературной критике 1920-х гг.»; вторые Литературно-краеведческие Ивановские чтения (16–18 октября 2014 г., Городской центр истории Новосибирской книги), тема доклада «Золотой век Сибири в легендах Всеволода Иванова 1916–1917 гг.»; Международная научная конференция «Русская литература XX века и революция 1917 года. К 120-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (28–30 сентября 2015 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Пьеса Всеволода Иванова “Бронепоезд 14-69”: тексты и источники»; круглый стол «Историография Гражданской войны в России в памятниках литературы, эго-документах и публицистике» (6 июня 2017 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Союзники и Россия: на материале сибирской периодики 1919 г. и “Бронепоезда 14-69” Всеволода Иванова»;

Международная научная конференция «Русская интеллигенция и революция 1917 года в литературе XX века. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина. К 100-летию Октябрьской революции» (10–12 октября 2017 г., Государственный музей К.А. Федина), тема доклада: «Почему не был снят фильм по произведению Всеволода Иванова “Бронепоезд 14-69”?»; Всероссийская научно-практическая конференция. Герценовские чтения «Литература VS История: Диалог в пользу читателя. 100-летию Д.А. Гранина посвящается». (22–23 апреля 2019 г., СПб., Государственный педагогический университет имени А.И. Герцена), тема доклада: «“Бронепоезд 14-69” Всеволода Иванова: правда, полуправда и вымысел»; Международная научная конференция «Писатели-сибиряки и Сибирь в русском литературном процессе XX в. К 125-летию со дня рождения Вс.В. Иванова, В.Я. Зазубрина, к 75-летию со дня смерти В.Я. Шишкова» (27–28 октября 2020 г., ИМЛИ РАН, Институт филологии СО РАН), тема доклада «Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова “Возвращение Будды”»; Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Литература Сибири в социокультурном пространстве», посвященная 100-летию со дня рождения литературоведа, критика, доктора филологических наук, профессора В.П. Трушкина (23–24 сентября 2021 г., Иркутский государственный университет, Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского), тема доклада: «Образ Беловодья в произведениях сибирских писателей 1920-х гг.»; Всероссийская научная конференция «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера» (22–23 ноября 2021 г., Институт филологии СО РАН, Сектор литературоведения), тема доклада: «Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова 1921–1923 гг.»; Международная научная конференция «Фантастическое в литературе и культуре конца XIX – первой трети XX века» (3–5 марта 2022 г., ИМЛИ РАН), тема доклада: «Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1920-х гг.».

Результаты работы были представлены в публичных выступлениях: в библиотеке № 65 имени Вс. Иванова (2014–2022); библиотеке № 180 (музей-библиотека Н.Ф. Федорова) (17 июня 2015 г.; 19 марта 2022 г.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, четырех глав, каждая из которых включает несколько параграфов, Заключения и библиографии (362 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, представлена степень разработанности темы, дан обзор основных работ о творчестве и биографии Вс. Иванова 1910–1920-х гг.; разграничены предмет и объект исследования; сформулированы его цель и задачи, обоснована методология работы, а также ее научная новизна; перечислены положения, выносимые на защиту; определены теоретическая и практическая значимость диссертации; приведены сведения об апробации исследования и его структуре.

В первой главе **«Источниковедение и текстология Всеволода Иванова»**, состоящей из пяти параграфов, описывается источниковедческая работа последних лет по выявлению новых материалов биографии и творчества Иванова, прежде всего сибирского периода, систематизируются тексты этих лет, анализируется история текста двух центральных произведений писателя 1920-х гг. – «Бронепоезд 14-69» и «Тайное тайных».

В первом параграфе **«Сибирская биография и творчество Иванова 1915–1918 гг.»** речь идет о выявленных и уточненных фактах биографии Иванова этих лет, а также о написанных в середине 1910-х гг. произведениях писателя разных жанров: стихотворениях, легендах, сказках, рассказах, очерках, пьесе. Систематизация и анализ этого комплекса новых материалов, впервые введенных нами в научный оборот, позволяют понять формирование мировоззрения и художественных установок писателя в сибирский период его творчества.

Самые ранние произведения Вс. Иванова выявлены в печати Кургана и Петропавловска, начиная с ноября 1915 г. Члены первого литературного кружка, который посещал Иванов в Кургане в 1916–1917 гг., в своих поэтических пристрастиях ориентировались на творчество А.А. Блока и круга символистов, а также Н.А. Некрасова, И.З. Сурикова и новокрестьянских поэтов, прежде всего Н.А. Клюева и С.А. Есенина. Кружок имел связи с ведущими журналами Сибири и Петербурга – областническими «Сибирскими записками» и «Ежемесячным журналом» В.С. Миролубова. Курганские очерки Иванова этого периода во многом написаны в русле областнических идей. В первых сибирских произведениях намечены темы и мотивы, которые перейдут в произведения писателя 1920-х гг.: темы Сибири, родной земли, жизни крестьянства, мотив богооставленности человека.

Видимо, накануне Февральской революции Иванов вступает в партию социал-революционеров, весной 1917 г. участвует в выборах в Курганскую городскую думу от «Группы объединенных социалистов» – социал-революционеров и социал-демократов. Осенью 1917 г. молодой писатель переезжает в Омск, становится членом литературного кружка А.С. Сорокина.

В это время складываются непростые отношения Иванова с А.М. Горьким, переписка с которым началась в 1916 г. С одной стороны, поддержка Горьким литературных сил областных окраин и писателей-самоучек из народа очень важна для сибиряков, в том числе и для Иванова. Однако сибирские писатели того круга, к которому принадлежал молодой Иванов, не могли принять некоторых программных идей Горького. Стихотворение «Человек», рассказы «Шантрапа», «Спичка» и пьеса Иванова «Гордость Сибири Антон Сорокин» раскрывают диалог-спор, который писатели-сибиряки вели с Горьким о Востоке и Западе, культуре, свободном и гордом человеке, «мудрости жизни».

Своеобразным творческим итогом этого периода жизни Иванова становится его первый самодельный сборник «Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916–1917 г. Курган – Омск».

Во втором параграфе «1919 год в жизни и творчестве Всеволода Иванова» рассмотрены известные исследователям произведения писателя, вошедшие в книги «Рассказы» и «Рогульки», и очерки, отразившие жизнь Омской столицы, а также вовсе не известные публикации из газеты «Вперед» и «очерки фронта» «У черты», напечатанные в газете «Сибирский казак», которые оказали существенное влияние на его дальнейшее творчество.

Сопоставление выявленных в архивах Москвы, Новосибирска и Омска источниковедческих материалов: документов (анкета Иванова осени 1920 г.) и эго-документов (автобиографии, письма и воспоминания самого писателя, воспоминания его современников: А.С. Сорокина, А.П. Оленича-Гнененко, Г.Ф. Дружинина, К.Н. Урманова, Н.И. Анова (Иванова), Г.И. Петрова, Б.Д. Четверикова), – представивших достаточно противоречивую картину событий жизни Иванова, начиная с весны 1919 г., дало возможность уточнить главные факты его биографии этого периода. Это участие молодого писателя в литературно-художественном кружке Омска «Единая Россия»⁴ и сотрудничество во фронтовой газете «Вперед», редактор которой, полковник В.Г. Янчевецкий, по основным политическим вопросам поддерживал Верховного Правителя России А.В. Колчака. Иванов, начав работу во «Вперед» в качестве наборщика военной типографии, скоро становится корреспондентом издания, активно печатается. Наконец, осенью 1919 г., оказавшись на «белом» фронте, Иванов начинает сотрудничество еще с одним колчаковским изданием – газетой «Сибирский казак».

Выявленные факты биографии писателя дали возможность систематизировать его произведения 1919 г. Первую группу составляют омские очерки, посвященные главным образом интеллигенции «Третьей столицы». К этой группе также примыкает «Атаман Вершинин. Из иртышских казачьих сказаний» (Единая Россия. 1919. № 6), соединяющий черты очерка и рассказа. Вторую группу составляют публикации газеты

⁴ Впервые на этот факт биографии Иванова указала И.Г. Девятьярова; см.: *Девятьярова И.Г.* Здесь мечтали о Единой России // *Вечерний Омск.* 1992. 3 марта. С. 3.

«Вперед» за август – сентябрь 1919 г., выполненные в разных жанрах: статьи на темы внутренней и внешней политики правительства адмирала Колчака, сказки, памфлеты, рассказы, стихотворение в прозе, содержащие отклики на произошедшую революцию. В связи со стихотворением в прозе «Петропавловск» решается вопрос авторства, доказывается, что данный текст принадлежит перу Вс.В. Иванова, а не Вс.Н. Иванова – писателя и журналиста, также в это время находившегося в Омске и печатавшегося в «белых» газетах. Третья группа – «очерки фронта» «У черты», публиковавшиеся в сентябре – ноябре 1919 г. в «народной газете» «Сибирский казак» и отразившие походную жизнь и фронтовые будни рядовых и офицеров Сибирского казачьего войска.

Третий параграф **«Текстология повести, пьесы и сценария “Бронепоезд 14-69”»** посвящен самому известному произведению Вс. Иванова – повести «Бронепоезд 14-69» (1921), которая была впоследствии выполнена в жанрах пьесы (1927) и сценария (1963); перерабатывая текст, писатель с годами все более вносил в него факты и детали своей сибирской биографии, представлял менявшееся со временем понимание Гражданской войны.

В истории текста «Бронепоезда» выделяются два этапа: на протяжении 1920-х гг. Иванов сам правил текст, углубляя свой первоначальный замысел; после 1930-х гг., помимо автора, эту работу выполняли редакторы и режиссеры в соответствии с установками времени.

На первом этапе авторская правка повести носила, с одной стороны, композиционный и стилистический характер, с другой – была направлена на уточнение и расширение важнейших тем произведения: усилена крестьянская линия, введены дополнительные персонажи, укрупняющие тему союзников Российского Правительства во время Гражданской войны, добавлены детали в психологическую характеристику образа капитана Незеласова и др.

В этот же период Иванов по мотивам повести создает одноименную пьесу – «Бронепоезд 14-69». Редакция пьесы, вошедшая в том 6 собрания сочинений писателя (1931), наиболее приближена к авторскому замыслу, в частности включает мотивы, элементы композиции и сюжетные линии, отсутствующие в последующих редакциях.

С пьесы «Бронепоезд 14-69» начинаются раздумья Иванова о роли и судьбе интеллигенции во время Гражданской войны, еще более усиленные в сценарии 1963 г. В эти тексты вводятся дополнительные персонажи, призванные подчеркнуть неоднородность «белой» интеллигенции, не только способной на предательство, но и стремящейся к спасению России, сохраняющей честь и благородство. Сценарий дает основание говорить об изменении авторских акцентов в главной теме «Бронепоезда 14-69» – теме земли, которая здесь представлена не столько как пашня, поле, сколько как земля родины, которую рабочие и крестьяне защищают от захватчиков-интервентов.

Второй период, с 1930-х до начала 1960-х гг., характеризуется активным редакторским и режиссерским вмешательством в тексты Иванова. Правка текстов имела несколько приоритетных направлений. В повести, пьесе и сценарии она была нацелена прежде всего на замену идеи Иванова о стихийной «мужицкой революции» (Л.Д. Троцкий), главной целью которой являлась борьба за землю, мыслью об объединенной борьбе рабочего класса и крестьянства за Советскую власть, осуществлявшейся под руководством партии большевиков. Серьезной корректировке подверглись образы представителей интеллигенции, которые, вопреки воле автора, все более показывались как ничтожные и никчемные люди, готовые на предательство родины. После 1930-х гг. первые редакции повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» не печатались, не был снят и фильм по сценарию Иванова.

Четвертый параграф **«Творческая история книги Иванова “Тайное тайных”»** содержит обзор неизвестных ранее документов и эго-документов,

уточняющих события жизни Иванова и его настроения в период 1923–1925 гг., когда создавались рассказы, составившие книгу «Тайное тайных».

Рассмотрены письма Иванова 1923–1925 гг. А.К. Воронскому, А.М. Горькому, К.А. Федину, В.А. Рeginину; архивные фрагменты воспоминаний писателя, где рассказывается о его отношении к классовой борьбе в литературе, о начале сотрудничества с издательством «Круг», новые материалы истории создания «Круга»; письмо матери Иванова из сибирского села Лебяжье; материалы, раскрывающие совместные творческие планы С.А. Есенина и Иванова, а также другие документы и эго-документы. Они передают изменившееся понимание Ивановым литературы (это «вещь настоящая», литература «должна быть национальной»), показывают, что рассказы, над которыми идет работа в упомянутый промежуток времени, – философские и в то же время непосредственно связаны с современностью, общий пафос рассказов – трагический, интересуется автора – человеческая душа («психология»); стилистически произведения отличаются от созданных ранее.

После творческого кризиса 1924 г., когда Иванов пишет произведения в новых для себя жанрах (гротескная комедия «Алфавит», авантюрно-приключенческая повесть «Чудесные похождения портного Фокина» и написанный совместно с В. Шкловским роман «Иприт»), размышляет о теме города, производства (неоконченный роман «Северосталь»), писатель в 1925 г. вновь возвращается к проблемам крестьянства и казачества. Свидетельство тому – сожженный роман «Кзаки», в котором автор предполагал описать пореволюционную жизнь казачьей станицы, «пострадавшей от войны и революции», рассказать о «погибающем идеале *матери и утешительницы скорбей*, тихой семьи, кротости» (из письма к А.М. Горькому 1925 г.).

Заглавие книги о пореволюционной деревне, по предположению Вяч.Вс. Иванова, заимствовано из древнерусской книги «Тайная тайных»⁵ и

⁵ *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 513.

показывает, что в эпоху социальной борьбы и утверждения классовых ценностей писатель обратился к тайнам человеческой души.

В пятом параграфе «История текста книги “Тайное тайных”» рассматривается текстология главной книги Иванова. Автографы включенных в нее произведений не сохранились, и поэтому история текста «Тайное тайных» может быть восстановлена лишь отчасти – при помощи анализа предшествовавших ей публикаций отдельных рассказов в периодической печати середины 1920-х гг. и сопоставления их с текстами, вошедшими в книгу. Выделяются два этапа текстологической истории «Тайное тайных»: первый – работа писателя над отобранными им рассказами с целью объединения их общим замыслом книги; второй – изменения текста в изданиях конца 1920–1950-х гг.

Сопоставление последовательности публикации рассказов книги и порядка их расположения в ней, анализ правки начальных и финальных строк рассказов, их заглавий и экспозиционных структур позволяют выявить главные темы и мотивы «Тайного тайных» – тему утраченного пути и евангельский мотив блудного сына, тесно связанные друг с другом, мотивы жалости, материнского слова и др. Серьезная работа была проделана Ивановым над языком и стилем рассказов книги: нейтральным словам и словосочетаниям придана свойственная народной словесности поэтическая образность; одновременно шла замена диалектизмов и просторечий на слова литературного языка. Раскрывая тайное тайных человеческой души, Иванов много внимания уделяет проработке характеров персонажей: с одной стороны, убирает конкретность, однозначность характеристик, физиологизм и натурализм, с другой – расширяет текст, нюансируя тонкость и неосознанность для героев их чувств и мыслей.

Второй этап включает различные изменения текста произведений книги в других изданиях, как вызванные реализацией собственно авторских установок писателя, так и цензурно-редакционные изменения, внесенные в текст в 1930–1950-е гг. Среди них можно выделить стилистические,

этические, направленные на снятие излишнего, по мнению редакторов, натурализма, и идеологические. Изменялись и сокращались как отдельные части текстов – слова, фразы, целые эпизоды, так и целиком тексты; с целью разрушить структуру книги, менялся порядок их расположения, наконец, некоторые рассказы полностью исключались из изданий.

Вторая глава **«Прошлое, настоящее и будущее Сибири в прозе Всеволода Иванова»**, состоящая из пяти параграфов, посвящена теме Сибири в произведениях 1910-х и 1920-х гг., которая раскрывается писателем в диалоге с концепцией сибирского областничества, новокрестьянской литературой, а также с политическими и философскими идеями первых пореволюционных лет.

В первом параграфе **«Рецепция областнических идей в книге Иванова “Зеленое пламя. Рассказы и сказки”»** речь идет о диалоге-споре молодого писателя с историко-культурной и общественно-политической программой сибирского областничества, обоснованной выдающимися учеными Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым. Произведения Иванова 1916–1918 гг. показывают его двойственное отношение к областничеству. С одной стороны, Иванову близки историко-культурные идеи областников, их стремление сохранить древнюю культуру народов Сибири, бережное отношение к региональному фольклору, что подтверждает анализ рассказов и сказок писателя: «Рао», «Сны осени», «Северные марева» и др., в основе которых лежат фольклорные источники. Так, наиболее часто встречающаяся у Иванова трактовка «золотого века» («Нио», «На горе Ыык» и др.) восходит к представлению казахского народа об уходящем в прошлое гармоничном общении человека с природой; другая, нашедшая отражение в легенде «Рао», связывает «золотой век» с периодом военного могущества народа, что было характерно, например, для алтайцев. Легенды Иванова, как верно отметил Г.В. Кондаков, не столько имеют источниками фольклор какого-либо одного народа, сколько являются художественным обобщением писателя,

созданным на основе эпических сказаний, песен и сказок разных сибирских народов⁶.

Помимо стремления к сохранению культуры прошлого Сибири, областники обращались и к ее будущему: в их понимании Сибирь может стать потенциальной сферой плодотворного влияния двух цивилизаций – Востока и Запада, создав на их основе новую цивилизацию. В вопросе будущего региона Иванов скорее полемизирует с областнической концепцией. Это подтверждается сопоставлением символического рассказа Вяч. Шишкова «Скала» и легенды Иванова «Рао», а также анализом легенды «Сон Ермака, где автор спорит и с типичным для региональной литературы областническим представлением о Ермаке как отважном и независимом сибиряке-авантюристе, и с идеей соединения в Сибири черт двух цивилизаций.

Социально-политические идеи областников, в частности мысль о построении Сибирских Вольных Штатов – мощного государства, подобного Америке, воплотившаяся в создании летом 1918 г. Сибирской республики как автономной части единой России, судя по пьесе «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918) также не находят поддержки у Иванова.

Во втором параграфе **«Постановка основных насущных “сибирских областных вопросов” в рассказах и очерках 1916–1919 гг.»** рассмотрены публицистика и проза Вс. Иванова, написанные не без влияния сформулированных Г.Н. Потаниным основных насущных «сибирских областных вопросов», среди которых писатель выделяет инородческий вопрос и вопрос просвещения в стране.

Горечью от осознания трагической судьбы инородцев Сибири проникнуты очерк Иванова «Отверни лицо твое» и рассказ «Джут», в которых, в отличие от статей Г.Н. Потанина на ту же тему, уже нет надежды на помощь культурного общества.

⁶ См.: Кондаков Г.В. Стилизация и алтайский фольклор // Ученые записки Горноалтайского НИИ истории, языка и литературы. 1971. Вып. 10. С. 112.

На протяжении всех сибирских лет для Иванова, типографского работника и начинающего писателя, чрезвычайно важным было издательское дело. В Кургане в 1916 г. он принимает участие в выпуске однодневной газеты «День служащих», издает сборник стихотворений своего друга поэта К. Худякова «Сибирь»; в Омске в 1917–1919 гг. – составляет и редактирует альманах молодых писателей и поэтов, печатает статьи, посвященные созданию «кооперативного издательства писателей-рабочих», выпускает один номер газеты «Цеха пролетарских писателей и художников» «Согры».

Деятельность Иванова по созданию «Цеха пролетарских писателей и художников» и газеты «Согры» (1918) рассмотрена в контексте партийной принадлежности писателя – членстве его в партии меньшевиков-интернационалистов группы «Новая жизнь» во второй половине 1917 – первой половине 1918 гг. Протоколы заседаний Омского Совета этого времени и публикации печатного органа партии – газеты «Пролетарий» – позволяют отчасти реконструировать политические взгляды молодого Иванова. Это отстаивание идеи однородного социалистического правительства и созыва Учредительного собрания, критическое отношение к Октябрьской революции, внешней и внутренней политике большевиков как противоречащих интересам рабочих.

Проанализированы отклики в омской печати весны 1918 г. на выпуск газеты «Согры», оценки издания со стороны представителей различных партий.

Третий параграф «**Всеволод Иванов и новокрестьянские писатели**» посвящен связям творчества писателя сибирского периода с новокрестьянской литературой. Произведения С.А. Есенина и Н.А. Клюева в 1910-е гг. оказали определенное влияние на близкий Иванову круг сибирских писателей в Кургане и Омске. Это родство проявилось прежде всего в прозе Иванова 1916–1917 гг., о которой можно, как нам представляется, говорить как о новокрестьянской, с учетом местной – сибирской – специфики, естественно нашедшей в ней отражение. В произведениях книги «Зеленое

пламя. Рассказы и сказки»: «Рао», «Сын человеческий», «На горе Йык», «Сон Ермака» – и не включенных в нее реалистических рассказах о деревне «Вертельщик Семен» и «В зареве пожара» представлены характерное для новокрестьянской литературы обожествление земли и природы и осознание опасности, которая грозит натуральному, природному, крестьянскому укладу жизни со стороны городского «железного царства»⁷.

Отразились в прозе Иванова и другие темы и мотивы новокрестьянской литературы: темы родной земли, Бога и гордого человека, мотив тайного, сокровенного слова. В рассказе «Рао», помимо областнических идей, представлены близкие новокрестьянам идеи философа-космиста Н.Ф. Федорова о всеобщем спасении, об открытии землянину небесного пространства⁸. Рассказ «Сын человеческий» соединяет сибирское религиозное движение бурханизм, которому было присуще поклонение Солнцу, и мотив солнцепоклонничества в поэзии Клюева («Песнь Солнценосца»). Близка молодому сибиряку и мысль новокрестьянских поэтов об объединении духовных ценностей культур Востока и Запада.

В четвертом параграфе **«Среди “серапионовых братьев” “восточной группы”»: сибирские контексты петроградского периода»** анализируются произведения Иванова начала 1920-х гг., причины успеха которых критики Советской России и русского зарубежья во многом увидели в «открытии Сибири» молодым писателем. Показано, как темы, мотивы и образы произведений Иванова 1921–1923 гг. вырастают из текстов сибирского периода, обретая новое звучание в новых исторических, политических и культурных контекстах.

Иванов, как и К. Федин, М. Зощенко, Н. Никитин, входил в «восточную группу» содружества «Серапионовы братья», которые предпочитали быт и психологизм занимательности сюжета, ориентировались на сказ. Анализ вариантов рассказа «В дни бегства» (другое заглавие – «Рассказы о себе»)

⁷ Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов: Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 41, 56.

⁸ Там же. С. 58–60.

показывает, что орнаментализм и сказ в начале 1920-х гг. становятся сознательным художественным выбором писателя.

Созданные Ивановым в Петрограде в 1921–1923 гг. произведения так же, как и тексты 1910-х гг., включают в себя переработанные писателем сибирские фольклорные и этнографические источники. Частушки из рассказа «Дед Антон» (1917), статьи «Война и отражение ее в частушках» (1917) и повести «Партизаны» (1921), а также стихи-самокладки из рассказа «Джатаки» (1919) и цикла «Самокладки киргизские» (1921) восходят к народной традиции, но являются авторскими импровизациями Иванова. Бурятский обряд гадания на бараньей лопатке из самокладки «Жаурын-кора» (1920) по-новому осмысляется в романе «Голубые пески» (1922–1923) в связи с темой утраты человеком связи с родной землей. Типологически близкие герои, на примере которых показано, как обретение человеком Востока европейского знания, не только не прибавляет мудрости, но и не сохраняет души и связи с родиной, появляются в произведениях Иванова, написанных как в Сибири, так и в Петрограде: «Духмяные степи» (1919), «Голубые пески» и «Возвращение Будды» (1922).

В 1921–1922 гг. Иванов создает ряд произведений, события в которых происходят на Дальнем Востоке. Иностранческий вопрос в дальневосточных рассказах осмыслен в новых, пореволюционных исторических и политических контекстах. Этнографическая точность писателя: белые одежды и отсутствие имен у женщин корейцев-каули, отношение к священному тигру у китайцев и другие детали рассказов – в сочетании с орнаментальной стилистикой и трагическими сюжетами призваны передать мысли автора о будущем иностранцев Дальнего Востока. Их культуре и традициям грозит гибель, и это связано уже не с техническим прогрессом, а с революцией и Гражданской войной.

Пятый параграф **«Постановка проблемы Восток – Запад в прозе Иванова начала 1920-х гг. Повесть “Возвращение Будды”»** представляет исторические, политические, философские и литературные контексты

размышлений писателя о проблеме русского выбора «Восток–Запад». Своеобразие постановки проблемы в творчестве писателя заключается в том, что его идеи и образы появляются в те исторические периоды, когда представители политической, философской и эстетической мысли активно обсуждают эти вопросы. В предреволюционные годы таковыми были областники, в конце 1910-х – начале 1920-х гг. оппозиции Восток – Запад, Азия – Европа рассматривали и новые идеологи Советской России, и их оппоненты – мыслители и поэты группы «Скифы», русские философы-«шпенглеровцы», обосновывающие свою концепцию евразийцы. Тексты Иванова явились, с одной стороны, рецепцией существующих идей, с другой – стали результатом его оригинального мышления, сформировавшегося на евразийском пространстве родины.

В повести «Возвращение Будды», посвященной гибели Европы и основам будущего спасения, Восток противостоит Западу как культурный мир, приблизившийся к некоей философской истине. В отличие от нового Востока, утверждающегося идеологами коммунистической власти, древний Восток в повести писателя – это огромный загадочный мир, куда входят и Сибирь, и Монголия, и Китай, – мир высокого духа, подвижничества и обретенной человеком свободы. Его образ создается Ивановым различными художественными средствами, в частности при помощи эпитафий, представляющих собой цитаты из произведений древних китайских поэтов, старинных сказаний, надписей на камнях или импровизации автора в духе этих текстов. Источником послужило издание В.М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование с приложением китайских текстов» (Пг., 1916). Близка Иванову оказалась и личность китайского поэта IX–X вв., жившего в свою эпоху войн и революций. Эпитафии сообщают о той духовной высоте, которой достигает профессор Сафонов во время своего пути на Восток, открывая для себя новое предназначение человека. Финал, где описаны гибель Сафонова и несостоявшееся возвращение Будды, а также общий смысл повести

современными исследователями трактуется по-разному⁹, очевидно лишь, что, по мнению Иванова, путь развития страны, а возможно, и человечества, предпочтительно должен быть ориентирован на ценности культуры Востока.

Третья глава **«Всеволод Иванов – свидетель и историк Гражданской войны в Сибири»** состоит из шести параграфов, где в хронологическом порядке рассмотрены известные и неизвестные ранее произведения писателя 1919–1927 гг., посвященные событиям 1918–1922 гг., и показана трансформация темы.

В первом параграфе **«Военный корреспондент фронтовой газеты “Вперед”»** анализируются причины, которые привели к сотрудничеству Иванова в колчаковском издании, а также публикации молодого писателя. На основе сопоставления различных эго-документов установлено, что работать в газете «Вперед» Иванов начинает с весны или лета 1919 г.

В жанровом отношении опубликованные в газете произведения писателя разнообразны: это статьи, заметки, рассказы, очерки, сказки, памфлеты, большая часть их посвящена истокам и будущему Октябрьской революции 1917 г. Сотрудничество Иванова в газете во многом связано с личностью главного редактора, полковника В.Г. Янчевецкого: прослеживается переключки текстов писателей.

Второй параграф **«От “Фарфоровой избушки” к “Партизанам”»** содержит обзор материалов к повести Иванова «Фарфоровая избушка», текстом которой мы в настоящее время не располагаем. Письма Иванова Горькому, Урманову и Сорокину и другие эго-документы показывают, что работа над «Фарфоровой избушкой» была завершена в 1920 г. и автор готовил повесть к публикации. Сохранившимися фрагментами ее исследователь М.В. Минокин считал отложившиеся в архиве Сорокина в Омске два текста, «По-прежнему стоял поезд» и «Вагон № 203125», а также рассказы Иванова 1920-х гг.: «В снегу», «Происшествие на реке Тун» и «Как

⁹ См.: *Банерджи Р.* Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 67 – 69; *Якимова Л.П.* «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20 – 30-х годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. С. 94.

создаются курганы». Реконструируя по этим текстам содержание утраченной повести, исследователь считал, что в «Фарфоровой избушке» «центральной являлась тема интеллигенции во время Гражданской войны, ее надежд и разочарований, тягот отступления»¹⁰. Проведенный текстологический анализ рукописных и машинописных текстов, опубликованных в 1965 г. Минокиным как принадлежащих Иванову, показывает, что, скорее всего, фрагменты оставленного в Омске чернового автографа «Фарфоровой избушки» были отредактированы Сорокиным, который предполагал напечатать их под своим именем.

Однако дебютирует Иванов в Петрограде в 1921 г. не повестью об интеллигенции, а «партизанскими повестями», видимо понимая, что односторонняя картина такого масштабного события, как Гражданская война, будет неполной.

Повесть «Партизаны» вызвала в начале 1920-х гг. дискуссию в печати. Первые восторженные отклики В. Львова-Рогачевского, А. Воронского и других скоро сменились критическими оценками реальных участников и руководителей партизанской борьбы в Сибири – В.Г. Яковенко и П.П. Петрова, упрекавших Иванова в отсутствии организационной идеи и преувеличении роли стихийности в изображении партизан. Как утверждают современные историки, Иванов не исказил исторической правды: партия большевиков далеко не сразу смогла взять партизанское движение под свое руководство; идеологическая «неграмотность» героев повести «Партизаны» подтверждается тем фактом, что в 1920 г. на территории Сибири, освобожденной от власти Колчака, вспыхивают антибольшевистские восстания с участием красных партизан.

В третьем параграфе «**”Бронепоезд 14-69”**: генетическое досье» подробно рассматриваются источники повести, пьесы и сценария Иванова – ряд текстов, написанных в 1919 г., в которых уже происходило творческое

¹⁰ Минокин М.В. К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1966. № 1. С. 192–196.

осмысление писателем событий Гражданской войны. В очерках и рассказах о мирной жизни Омской столицы, некоторых статьях из газеты «Вперед» и военных очерках молодой писатель и журналист описывает поведение во время Гражданской войны представителей разных социальных групп: интеллигенции, городских обывателей, «союзников», беженцев, крестьян, казаков, рабочих, – их рассказы, разговоры, оценки происходящих событий, иногда с короткими комментариями. Автор-повествователь – фигура в целом пассивная: он слушатель и наблюдатель, редко высказывающий свое мнение.

Новый, «кипящий жизнью» Омск показан в очерках «Моль», «Письма из Омска», рассказе «Господин Мартынов», корыстные и беспринципные герои которых нашли воплощение в образах интеллигентов и кадетов-крестоносцев из пьесы и сценария «Бронепоезд 14-69». Фамилия и черты характера старого казака из рассказа «Атаман Вершинин» перейдут к командиру крестьянской армии Вершинину. Отразилась в «Бронепоезде 14-69» и политическая проблематика статей Иванова «Земское совещание», «Узы дружбы» и «"Ходи" и "капитана"».

Источником повести «Бронепоезд 14-69» в большой степени стали военные очерки «У черты», описывающие Петропавловскую военную кампанию осени 1919 г. Персонажи очерков Иванова не генералы, а рядовые труженики войны: казаки, солдаты, крестьяне, а также беженцы, священник, торгующие бабы; некоторые их портреты, речевые характеристики, оценки событий войдут в повесть. Объединяет «очерки фронта» и «Бронепоезд 14-69» общая атмосфера – необычное сочетание тоски и радости, мотив железной дороги, устойчиво связанный со смертью, лирические отступления, размытая оппозиция «свой – чужой», понимание Гражданской войны как бессмысленной и ненужной, отрывающей от работы на земле. Поэтика очерков отличается от образной системы повести, в которой Иванов от сдержанной стилевой манеры сибирского периода переходит к орнаментализму, характерному для его прозы начала 1920-х гг.

В параграфе **«Исторические и политические контексты повести, пьесы и сценария “Бронепоезд 14-69”»** рассматриваются реальные события в Сибири и факты биографии Иванова 1919–1922 гг., определившие проблематику, сюжет и характеры героев произведения.

В центре внимания автора два события: захват партизанской армией белого бронепоезда и восстание в некоем городе.

Сюжетная линия, касающаяся действий партизанской армии, соответствует исторической правде. Единственная неточность, очевидно сознательно допущенная автором, относится к употреблению командой бронепоезда и беженцами слова «партизаны», которое в реальности не применялось «белыми» в адрес «красных», именовавшихся «большевистскими бандами», «красными бандами» и т.п. Партизанами назывались нерегулярные отряды, борющиеся с ними.

На основании ряда документов и материалов можно определить степень исторической достоверности восстания, описанного в «Бронепоезде 14-69». Анализ времени и места действия показывает, что в повести и пьесе 1920-х гг. автор нарушает хронологию реальных событий в Сибири и на Дальнем Востоке. Восстание в текстах Иванова назначается на 16 сентября 1919 г. и главные события происходят осенью того же года, одновременно с этим в начале повести упомянуто отступление колчаковской армии (реально – не ранее начала ноября 1919 г.), а в пьесе – смерть С. Лазо (апрель 1920 г.). Условным является и место действия. В описанном в повести и пьесе большом приморском городе (в редакции повести 1932 г. прямо назван Владивосток) реальное антиколчаковское восстание произошло только в январе 1920 г., а окончательная победа – осенью 1922 г. Описание города в «Бронепоезде 14-69» не содержит никаких реалий 1922 г. (о них Иванов и не мог знать, работая над повестью), но разными деталями указывает на события осени 1919 г. в Омске, которые писатель наблюдал своими глазами. Начиная с публикаций «Бронепоезда 14-69» 1930-х гг. хронология и место действия соответствуют событиям во Владивостоке в 1922 г.

Изучение публикаций газеты «Вперед» и других сибирских изданий и документов 1919 г., а также обращение к трудам современных историков позволяют установить, что Иванов имел в виду восстание, о котором, будучи сотрудником газеты «Вперед», знал еще осенью 1919 г., – восстание во Владивостоке против Российского Правительства А.В. Колчака, организованное партией эсеров при поддержке иностранных сил; попытка переворота датируется 19 сентября 1919 г. Руководил восстанием Сибирский комитет Учредительного собрания, содействие иностранцев предполагалось купить путем отказа от прав России на Владивосток. Организаторы восстания использовали партизанское движение и поддержку большевиков. Реально восстание произошло 17 ноября 1919 г. и успеха не имело. Решающую роль в подавлении сыграл бронепоезд «Калмыковец».

Отголоски именно этих событий многое определили в «Бронепоезде 14-69»: время восстания, участие партизан и практически полное неучастие рабочих, незначительную роль большевика Пеклеванова и поддержку других партий (в тексте – «Совет Союзов»). После 1930-х гг. эти реалии будут исключены из текста повести и пьесы Иванова.

Исторические и политические контексты событий в Сибири 1919 г. проясняют художественную биографию капитана Незеласова – командира белого бронепоезда, в образе которого Иванов, с одной стороны, показывает интеллигентов, искренне считающих себя спасителями России, с другой – политиков, опирающихся, как адмирал Колчак, на поддержку сил вне страны. В раскрытии темы роли интеллигенции в Гражданской войне особое значение приобретает мотив совести и ответственности за трагические события, присутствующий в произведениях Иванова на протяжении всего его творчества.

Линия неприятия поведения «союзников», развивающаяся по мере движения авторской мысли от повести к пьесе и сценарию, в последнем находит свое воплощение в мысли Иванова об итогах Гражданской войны:

победа красных оказалась возможной потому, что сама война стала войной за Родину, которую стремились захватить иностранные державы.

В пятом параграфе **«Автобиографические рассказы Иванова 1920-х гг.»** представлен взгляд на Гражданскую войну не крестьянства, не мужиков-партизан, не интеллигенции, вдохновленной идеей спасения России, а самого писателя, выраженный в ряде произведений 1921–1925 гг.: «Рассказы о себе», «Егорка Хвощ» («Лощина Кара-Сор»), «Денежный ящик», «Рассказы об Октябре», «Происшествие на реке Тун», «Как создаются курганы», повествование в которых ведется от первого лица. В отличие от мужиков, которые боролись и умирали за землю и «хрестьянскую власть», автобиографические герои писателя не видят смысла в Гражданской войне, не понимают, во имя чего должны сражаться, проливать кровь, умирать и они сами, и другие люди. С точки зрения жанра эти тексты относятся к новеллам, в которых можно отметить трагические и абсурдные сюжеты, подчеркнуто негероические характеры, странные, нелепые поступки персонажей.

Подробно анализируется рассказ «Происшествие на реке Тун», повествование в котором также ведется от первого лица. Этот фантастический рассказ, в котором важное место занимают элементы антиутопии и психологический анализ, сближающий его с книгой «Тайное тайных», можно отнести к автобиографическим лишь условно. Хотя в нем и повествуется о событиях биографии Иванова – отступлении вместе с колчаковской армией на восток зимой 1919 г., – сам рассказчик представлен в тексте как красноармеец. Значимую роль играют в рассказе мотивы отцеубийства и братоубийства во время Гражданской войны, а также мотив совести, раскрывающийся при помощи введения фантастического сна одного из героев, комиссара Хабиева, судьба которого странно переплетена с судьбой автобиографического героя. Мысли и чувства обоих героев также сближаются, и можно предположить, что перед нами размышления и переживания одного человека.

Шестой параграф **«Трансформация темы Гражданской войны в повести “Гибель Железной”»** посвящен творческой реализации изменившегося отношения Иванова к событиям 1918–1922 гг.

Сопоставление одного из источников «Гибели Железной» (1927) – очерка Л. Дегтярева «Политотдел в отступлении» – с повестью Иванова выявляет полемику писателя с политработником в изображении Гражданской войны. Половецкая республика, лишь упомянутая в очерке, превращается у Иванова в мощный символический образ, запечатлевший безуспешные реальные попытки создания крестьянских правительств в пореволюционное время. 58-я стрелковая дивизия, у Иванова – Железная дивизия, становится воплощением мужицкой мечты о справедливости и, в отличие от реальной, целиком погибает в 1920 г. при штурме Киева. Радикально изменен финал произведения: победная стилистика очерка Дегтярева сменяется у Иванова интонацией материнского плача-причитания. Трагический финал повести «Гибель Железной» стилистически перекликается с заключительной главой повести «Бронепоезд 14-69», где представлено триумфальное шествие мужиков-победителей, но показывает бессмысленность пути «великих партизан». Идея организующей роли партии в Гражданской войне, главная в очерке «Политотдел в отступлении», у Иванова отсутствует, акцентируются центральные для творчества писателя середины 1920-х гг. темы и мотивы: матери, не сумевшей уберечь сына от гибели, духовной пустыни, богоотступничества человека.

Анализ литературного контекста повести Иванова указывает на художественные пересечения «Гибели Железной» с поэмой С. Есенина «Страна Негодяев» (1922–1923) и романом А. Платонова «Чевенгур» (1927–1929).

Обвинения в плагиате, начавшиеся после публикации повести «Гибель Железной», сменились в критических статьях, посвященных повести, обвинениями в искажении исторической правды, проявившемся, в частности, в полемике Иванова с романом А. Фадеева «Разгром».

Глава четвертая **«Крестьянская Россия Всеволода Иванова на пути к социальному идеалу»** представляет писателя как оригинального мыслителя своего времени, попытавшегося в творчестве 1910–1920-х гг. осмыслить масштабные социально-политические движения в европейской и азиатской России в контексте народных утопических представлений разных культур Востока и Запада.

В первом параграфе **«Странники и правдоискатели в книгах “Рассказы” и “Рогульки”»** произведения двух книг Иванова 1919 г. рассматриваются как своеобразный отклик на один из главных вопросов пореволюционной жизни: почему стремление к обетованной земле свободы и справедливости, которая казалась такой близкой в феврале 1917 г., обернулось для народа неслыханными бедствиями. Смысл происходящего Иванов в 1919 г. будет склонен искать в «тайном тайных» души русского человека, создавая в рассказах «Купоросный Федот», «Анделушкино счастье», «Шантрапа», «Американский трюк», «Дуэн-Хэ – борец из Тибета» и других разные типы героев правдоискателей и странников.

Подобные персонажи являются знаковыми для литературы Сибири. Как убедительно показал К.В. Анисимов, областники Потанин и Ядринцев выделяли два типа странников: сибиряк-старообрядец, отправляющийся на поиски легендарного Беловодья, своеобразный областной идеал; и бергал – человек без дома и собственности, без будущего, беспечный и озлобленный, потерявший связь с народной почвой¹¹. Оба типа Иванов по-своему представил в рассказах 1919 г.

Воплощением первого типа героев становится Михаил, по прозвищу Анделушка (Ангел), из старообрядческой деревни, который стремится «мир к добру переделать» (рассказ «Анделушкино счастье»). Включенные в текст рассказа слова Преподобного Иоанна Дамаскина проясняют отношение писателя к попытке привести людей к всеобщему спасению и слабыми

¹¹ См.: Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 233–248.

человеческими силами и умом проникнуть в промысел Божий. Как своеобразное богоборчество представлены действия героя, мечтающего о «мире што сказка», в рассказе «Купоросный Федот». Мечты этих и других героев-правдоискателей Иванова неосуществимы, поиски безрезультатны.

Близкими «бергалам» оказываются автобиографические герои рассказов «Шантрапа», «Гривенник», «Американский трюк» и других. Чаще всего это бродячие актеры и цирковые артисты, но встречаются и бывшие крестьяне и рабочие. Все они размышляют о жизни и смерти, Боге и человеке, своем пути и родном доме. Мучительным и неразрешимым для странников раннего Иванова станет вопрос о стремлении к взыскуемой обетованной земле и о покинутой на этом пути родине.

Понимание Иванова оказалось внутренне полемичным по отношению и к традиционному в русской культуре восхищению искателем правды, и к мысли о вреде для России странничества, «отрицающего все формы социальной и политической организации» (Горький).

Второй параграф **«Легенды о “далеких землях” и образ “пшеничного рая” в прозе Иванова 1921–1923 гг.»** посвящен народным утопическим представлениям, которые нашли отражение в книге писателя «Седьмой берег» и романе «Голубые пески», и их политическим контекстам.

Определяя отношение Иванова к русскому крестьянству, критики начала 1920-х гг. рассматривали его произведения о деревне как явление пограничное между критической традицией, восходящей к прозе Чехова, Бунина и Горького, и поэтическим изображением деревенского уклада, идущим от Златовратского и Л. Толстого. Отмечена была их связь с произведениями новокрестьянских писателей, увидевших в революции чаемый «мужицкий рай», истоки которого находятся в народных утопических легендах.

Большая часть рассказов книги «Седьмой берег» и роман «Голубые пески» содержит упоминания о неких благословенных землях и городах, куда мечтают добраться герои-мужики. Поэтические легенды о

«непознаваемых странах» Иванов, как и в 1910-е гг., создает сам, широко используя фольклор разных народов России: русские легенды о сокровенном Граде Китеже, Белой Арапии, реке Дарье, Индийском царстве в рассказах «Лоскутное озеро», «Жаровня архангела Гавриила», «Вахада, ксара, гуютуи», «Полая Арапия», «Дите» и других; казахские легенды о «спокойных землях» Жеруюк и Жидели-Байсын в рассказе «Лоскутное озеро» и романе «Голубые пески». Одновременно с народной традицией Иванов практически всегда дает отсылки к современности, к ситуации в пореволюционной России, в частности к активно обсуждавшейся в это время идее «мировой революции».

Образ «пшеничного рая» и пугающе преображенного хлеба, имеющего связь со смертью, в рассказах Иванова «Полая Арапия» и «Лога» сопоставляется со сходными образами стихотворений и поэм С. Есенина «Кобыльи корабли», «Песнь о хлебе», «Пугачев», в которых «на смену восторженным пророчествам приходят разочарования и трагические вопросы»¹². Эти произведения, в которых нашла отражение архаическая традиция (древнеславянские представления о житных духах и мифологических волках, отмеченные А.Н. Афанасьевым), имеют и политические контексты – голод 1921–1922 гг. в Советской России. Один из основных образов русских народных утопических легенд в начале 1920-х гг. трансформировался в творчестве новокрестьянских писателей и близкого им Иванова: ожидаемый «пшеничный рай» оборачивался воцарением хаоса в мире и в душах людей.

В целом в книге рассказов «Седьмой берег» и в романе «Голубые пески» автор противопоставляет новый социальный идеал, который должен, по мнению идеологов мировой революции, воплотиться во всех странах, и страшные последствия его осуществления: войну, смерть, сгоревшие деревни, голод, – утопическим представлениям народа об идеальном общественном устройстве.

¹² Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 109.

В третьем параграфе «Борьба за “новый быт” и “Тайное тайных”» представлены реалии первых лет нэпа, отразившиеся в книге Иванова.

Направления «пересоздания личного и семейного быта» рабочего класса и особенно крестьянства были представлены в различных работах Л.Д. Троцкого 1923–1926 гг., прежде всего в книге «Вопросы быта. Эпоха “культурничества” и ее задачи» (1923). С целью воплощения нового социального идеала предполагалось разрушение прежней и создание новой семьи, новых отношений между детьми и родителями; любовь к земле, как одна из духовных опор человека, объявлялась вредным мелкобуржуазным чувством собственника; в рамках борьбы с Церковью уничтожалась старая и вводилась новая обрядность и т.п. Особую роль в борьбе с религией призвана была сыграть наука, в частности психоанализ, не случайно на 1922–1925 гг. приходится активная популяризация учения З. Фрейда. По прогнозам идеологов «нового быта», уже ко 2-й половине 1920-х гг. в «азиатской» России должна была утвердиться «цивилизация», однако реально кампания борьбы за «новый быт» обернулась ростом беспорядочности, хулиганства, широким распространением венерических и психических болезней.

Реалии первого периода нэпа нашли отражение в книге Иванова «Тайное тайных»: «красная обрядность» сатирически показана в рассказах «Ночь» и повести «Бегствующий остров», новые брачно-семейные отношения и процесс руководства партией пролетариата крестьянством пародийно представлены в рассказе «Плодородие», в притче «Про казачку Марфу» упомянута новая сказка для нового советского ребенка и т.п.

Однако главная тональность «Тайное тайных» не ироническая, а трагическая. «Крестьянские вопросы эпохи нэпа»: этические вопросы «отречения от своей родословной, предательства матери-отца, преступления и наказания, блудного сына, тема возвращения и т.п.»¹³ – определяют композицию книги Иванова, ее сквозные темы и мотивы, тип героя.

¹³ Корниенко Н.В. Есенин и крестьянский вопрос в критике первой советской оттепели // Есенин и мировая культура. Материалы научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Есенина. Москва-Константиново-Рязань: Пресса, 2008. С. 211.

Практически все персонажи «Тайное тайных» – блудные дети современности, совершив преступления, предстают перед людским и Божьим судом и готовы нести наказание. Одно из ведущих мест занимает в книге тема возвращения, но, кроме Богдана («Полынья»), ни одному из ивановских крестьян не дано вернуться домой. «Без креста» каждый из них отправляется в свой путь: создавать партию, воевать, резаться с другом, пытаться «доспеть до общества» и т.п., но неизбежно оказывается в духовной пустыне. Мотив утраченного пути завершает книгу «Тайное тайных», ставшую отражением «культурнической» переделки русской деревни в период нэпа.

В четвертом параграфе **«Всеволод Иванов и спор о мужике в литературе 1920-х гг.»** рассматривается литературный контекст книги «Тайное тайных»; представлен диалог-спор, который вел Иванов со своими учителями в творчестве: А.П. Чеховым, И.А. Буниным, А.М. Горьким, – с писателями-современниками: Л.М. Леоновым, К.А. Фединым, а также с новокрестьянскими писателями, прежде всего – С.А. Есениным.

По свидетельству самого Иванова, переписывая в 1910-е гг. страницы прозы Чехова, он учился литературному мастерству. Сложные, противоречивые характеры мужиков в «Тайное тайных» во многом восходят к персонажам чеховских рассказов «Мужики», «В овраге» и др.

Вслед за Буниным автор «Тайное тайных» передал внутреннее ощущение человеком поколебленности всех основ привычной жизни, какой-то катастрофической необратимости губительного пути России. Соприкасалась эта тема и с вопросами национальной психологии, и с религиозно-философским вопросом о богооставленности человека.

Сопоставление «Рассказов 1922–1924 годов» и «Тайного тайных» выявляет общность тем Горького и Иванова при очевидном различии подхода к ним. В центре внимания обоих писателей в это время – человеческая душа, глубинные пласты психики, трагический перелом национального сознания русского человека. Общими в произведениях учителя и ученика оказываются мотивы «сокровенного слова» (Горький –

«Отшельник», Иванов — «Полынья»), мирского и Божьего суда (Горький — «Карамора», «Заметки из дневника», Иванов — «Ночь», «Жизнь Смокотинина», «Смерть Сапеги», «Плодородие»).

На протяжении 1925–1926 гг., когда писались рассказы книги «Тайное тайных» и роман «Вор» Леонова, для обоих писателей предметом пристального художественного внимания была «мятущаяся русская душа» (Леонов), ее опустошенность в эпоху войн и революций.

О книгах Иванова «Тайное тайных» и Федина «Трансвааль» критики писали как о произведениях литературных врагов, обвиняя писателей в непонимании современной деревни, в противопоставлении поэтической крестьянской культуры и разрушительной городской.

Отдельная и самостоятельная тема — связь книги Иванова с творчеством новокрестьянских писателей. Сюжеты, мотивы, характеры, типы героев «Тайное тайных» тесно связаны с художественным миром лирики Есенина, поэм «Пугачев», «Страна Негодяев», «Песнь о великом походе». Есенинская лирическая маета, с «отчаянным хулиганством», отказом от веры отцов и тоской без нее, присуща героям рассказов «Тайное тайных». Тема земли, решенная в идиллическом ключе; тема матери, с горечью видящей неверную дорогу, на которую вступили дети; тема народного социального идеала; мотив сокровенного, «тайного» слова и другие сближают книгу Иванова с новокрестьянской литературой.

Сложность и многообразие народной жизни и духовной культуры: традиции, вера, поэтическая словесность, идеалы и сомнения — все это нашло отражение в рассказах «Тайное тайных». Однако эта народная жизнь предстала в книге Иванова в состоянии глубокого духовного кризиса. Не случайно такое важное место в «Тайное тайных» занимают сквозные темы бездорожья, пустыни, утраты Слова.

В пятом параграфе **«Историко-культурные и литературные контексты повести “Бегствующий остров”»** заключительное произведение книги «Тайное тайных» рассматривается среди типологически близких

текстов середины 1920-х гг., включающих тему поиска Беловодья: повестей М.П. Плотникова «Беловодье», В.Я. Шишкова «Алые сугробы», А.А. Караваевой «Золотой клюв», рассказа А.П. Платонова «Иван Жох».

Иванов хорошо знал быт и веру раскольников, в среде которых в XVIII в. родилась легенда о Беловодье. Сличение журнальных публикаций повести «Бегствующий остров» и ее текста в книге «Тайное тайных» выявило редакторскую правку, в духе времени ориентированную на безбожие.

Русская народная утопическая легенда о Беловодье, соединяющая «мечту о вольной земле» с мечтой «о земле, сохранившей древнее благочестие»¹⁴, легла в основу ряда произведений 1910-х и 1920-х гг., между которыми имеется существенное отличие. Первые завершаются на том этапе странствия героев, когда после долгой и трудной дороги перед ними только открывается вдали праведная земля. Герои пореволюционных произведений отправляются в путь, в результате которого приходят в некое место, название которого прямо или косвенно указывает на Беловодье: Белый остров, Бухтарминская долина, Вечный Град-на-Дальней реке – и начинают там строить новую жизнь. В каждом из произведений беловодская легенда представлена по-своему, все они имеют близкую проблематику, центральным является вопрос о «народном царстве».

Появление в литературе первой трети XX в. типологически близких текстов было вызвано к жизни определенными историческими и политическими реалиями: революцией, в результате которой, как ожидалось, будет достигнут идеал справедливого общества – коммунизм; смертью вождя В.И. Ленина по дороге к этому идеалу, актуализировавшей в 1924–1925 гг. вопрос о правильности настоящего пути Советской России; недовольством крестьян по отношению к «неправедной» власти.

Все названные тексты 1920-х гг. имеют сходную композицию. В первой части повествования появляется возвышенный образ благословенной

¹⁴ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. С. 297.

земли. В образе Беловодья (у Иванова – Белого Острова) почти все авторы акцентируют не столько его богатство, сколько духовные составляющие: благочестие, свободу, справедливость. Далее показан трудный и долгий путь, в описании которого одни авторы (Вяч. Шишков) подчеркивают его нравственный характер, другие (А. Караваева) – внешние, социальные препятствия. Рассматривая следующий элемент композиции беловодских текстов, можно увидеть, что авторы описывают некое преобразование идеала: образ праведной земли принимает обличье богатой земли, где и остаются странники. В этой земле новая жизнь в произведениях Плотникова, Караваевой, Платонова и Иванова постепенно принимает облик старой, со старыми человеческими потребностями и страстями. Завершает названные произведения символический образ пути к подлинному социальному идеалу, который понимается каждым писателем по-своему: продолжение пути в настоящее Беловодье (Плотников), нравственный путь души к доброму и бескорыстному общению людей (Шишков), социальный путь восстания народа против угнетателей (Караваева). Платонов и Иванов подчеркивают, что путем насилия, пролитой крови к идеалу прийти невозможно.

В «Бегствующем острове» Иванов, в отличие от других авторов, показывает еще один социальный идеал – новый, осуществившийся в ходе революции, в сравнении с которым народный, пусть и искаженный человеческими страстями, выглядит неизмеримо привлекательнее. Вводя в своей «сказке о революции» сюжетную линию любви продкомиссара Запуса и раскольничьей девушки Саши, писатель как бы предлагает соединение двух социальных идеалов и сохранения в новом обществе традиционных основ национальной жизни. Заканчивается книга «Тайное тайных» словами о мучительном и долгом пути к благословенной земле, который ждет впереди.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Творческий путь Иванова начался задолго до его приезда в 1921 г. в Петроград и публикации повести «Партизаны». Мировоззрение и художественные принципы писателя формировались в период с конца 1915

до начала 1921 г., ознаменованный крупнейшими событиями в истории России, такими, как Первая мировая война, революции 1917 г., Гражданская война. Неизвестные ранее факты биографии писателя, связанные с этими событиями, во многом определили ключевые темы и направления творчества Иванова 1910–1920-х гг. Произведения этих десятилетий тесно связаны друг с другом, что стало особенно очевидным после освобождения центральных текстов 1920-х гг., повести и пьесы «Бронепоезд 14-69» и книги «Тайное тайных», от цензурных искажений.

Близкое знакомство Иванова с движением сибирского областничества, непростой диалог с А.М. Горьким, который писатель вел с середины 1910-х гг., влияние новокрестьянских писателей нашли отражение и в первых книгах писателя – «Зеленое пламя. Рассказы и сказки», «Рассказы» и «Рогульки», и в книге «Тайное тайных». Интерес Иванова к политическим и философским спорам о Востоке и Западе как направлениях сначала пути развития Сибири, а затем и пути развития страны, – спорам, которые начались в предреволюционные годы и активно продолжились после революции, прослеживается в 1910-е гг. в сибирских легендах, а в 1920-е – в романе «Голубые пески» и повести «Возвращение Будды».

Целая группа произведений Иванова: политические статьи, сказки, очерки и памфлеты из газеты «Вперед», «очерки фронта» «У черты», фрагменты неоконченной повести «Фарфоровая избушка», повести «Партизаны» и «Гибель Железной», повесть, пьеса и сценарий «Бронепоезд 14-69», а также автобиографические рассказы 1920-х гг. – передают его впечатления от непосредственного участия в Гражданской войне сначала на стороне «красных», а потом на стороне «белых», от общения с партийной и творческой интеллигенцией Кургана и Омска, а на «белом» фронте – с казаками и крестьянами Сибирского казачьего войска. Все это дало возможность писателю увидеть правду и заблуждения разных противостоящих друг другу сил, понять трагизм и бессмысленность

Гражданской войны и одновременно ее высший смысл, проявившийся в защите родной земли от интервентов.

В книге «Тайное тайных» Ивановым сделана попытка изобразить глубокий духовный кризис народной жизни и народной души, вызванный революцией, Гражданской войной и нэпом, наметить сложный и мучительный поиск истинного исторического пути крестьянской страны. Глубокое знание народных утопических легенд и изучение дискуссий политиков и идеологов об идеальном общественном устройстве, о вопросах духовной опоры человека в период исторических катаклизмов нашли отражение в завершающей книгу повести «Бегствующий остров», где Иванов, как и другие писатели-современники, рассматривал возможность скорректировать два социальных идеала: утверждаемые новой властью социализм и коммунизм и русский народный утопический идеал праведной и справедливой земли, воплотившийся в легенде о Беловодье.

Проанализированные в диссертации контексты творчества Иванова определили разработку важнейших направлений и тем, проблематику, выбор героев, сюжетов и приемов поэтики в произведениях 1910–1920-х гг. Представляется перспективным распространить предложенную методологию анализа на более поздние периоды творчества писателя.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография:

1. Папкина Е.А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 622 с.

Подготовленные издания наследия Вс. Иванова:

2. Иванов Вс. Дневники / сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкина; вступ. статья Е.А. Папкиной, коммент. Е.А. Папкиной, М.А. Черняк; ред. А.М. Ушаков. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 492 с.

3. Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

4. *Иванов Вс.* Тайное тайных / издание подготовила Е.А. Папкина [сост., подгот. текста, статьи «Главная книга Всеволода Иванова», «История текста рассказов книги “Тайное тайных”», примечания]; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 566 с. (серия «Литературные памятники»).

5. *Иванов Вс.* Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма / сост. Вяч.Вс. Иванов, Е.А. Папкина; научный ред. Н.В. Корниенко. Новосибирск: ИД «Свинын и сыновья», 2015. 400 с.

6. Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / сост. Е.А. Папкина; отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

7. *Папкина Е.А.* «Тайное тайных» Всеволода Иванова как книга о России: История текста // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 3. С. 140–144.

8. *Папкина Е.А.* Гражданская война в творчестве Всеволода Иванова 1920-х годов. «Были мужики – в красных и в белых. Над теми и над другими бабы плакали одинаково...» // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 409–419.

9. *Папкина Е.А.* Сибирь Всеволода Иванова // Вопросы литературы. 2014. № 2. С. 122–135.

10. *Папкина Е.А.* Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х годов // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 17–26.

11. *Папкина Е.А.* Сибирские источники повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров»: От факта к образу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. № 1. С. 70–76.

12. *Папкина Е.А.* Гражданская война в прозе Андрея Платонова и Всеволода Иванова // Русская словесность. 2016. № 3. С. 51–57.

13. Папкива Е.А. «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова: Генетическое досье // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 106–119.

14. Папкива Е.А. Проблемы культуры в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 80–91.

15. Папкива Е.А. Повесть Всеволода Иванова «Партизаны»: исторический и литературный контексты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 2. С. 197–202.

16. Папкива Е.А. Всеволод Иванов и его «Серапионовы братья» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 5. С. 77–82.

17. Папкива Е.А. Исторический и литературный контексты повести Всеволода Иванова «Бегствующий остров» // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С. 171–184.

18. Папкива Е.А. Автопародия в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 91–100.

19. Папкива Е.А. Мемуарная проза Всеволода Иванова // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 2. С. 298–317.

20. Папкива Е.А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910 – 1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27–39.

21. Папкива Е.А. Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова начала 1920-х гг. // Наука и школа. 2022. № 4. С. 11–20.

22. Папкива Е.А. Для нужд родного края: Всеволод Иванов – издатель // Сибирский филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 19–34.

Другие публикации:

23. Папкива Е.А. «Тайное тайных» Всеволода Иванова: текстологическая проблематика изданий 1920-х гг. // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 124–134.

24. Папкива Е.А. Личность и творчество С. Есенина в книге Вс. Иванова «Тайное тайных» // Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии / под ред. О.Е. Вороновой, Н.И. Шубниковой-Гусевой. Москва–Константиново–Рязань: Лазурь, 2009. С. 300–316.

25. Папкива Е.А. «Это очень мужицкая книга...»: Реалии НЭПа в книге Вс. Иванова «Тайное тайных» // НЭП в истории культуры: от центра к периферии / сост. и ред. И.Ю. Иванюшина и И.А. Тарасова. Саратов: Наука, 2010. С. 155–162.

26. Папкива Е.А. Всеволод Иванов и Максим Горький: несостоявшийся диалог // Максим Горький: Взгляд из XXI века. Горьковские юбилейные чтения 2008 г. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2010. С. 166–178.

27. Папкива Е.А. Русский народный утопический идеал в творчестве Всеволода Иванова // Исследования по лингвистике и семиотике: сборник статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 580–589.

28. Папкива Е.А. Идеи Н.Ф. Федорова в мировоззрении и творчестве Всеволода Иванова // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 196–206.

29. Папкива Е.А. Всеволод Иванов и сибирское областничество // Вопросы культурологии. 2014. № 3. С. 72–78.

30. Папкива Е.А. Народный утопический идеал в творчестве «попутчика революции» Вс. Иванова // Соловьевские исследования. 2015. № 3 (47). С. 143–156.

31. Папкива Е.А. «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова: опыт исторического комментария к теме союзники России в Гражданской войне // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 230–249.

32. Папкива Е.А. «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова: история и вымысел // Россия и современный мир. 2018. № 4 (101). С. 156–168.

33. Папкива Е.А. Эго-документы Всеволода Иванова 1917–1920 гг. // Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. Вып. 3 / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 763–777.

34. Папкива Е.А. Из литературного наследия Всеволода Иванова 1919–1925 гг. // Всеволод Иванов «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи / отв. ред. Н.В. Корниенко, сост. Е.А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 231–258.

35. Папкива Е.А. Сны о будущем в прозе Всеволода Иванова 1920–1930-х гг. // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 7–17.

36. Папкива Е.А. Автобиографии Всеволода Иванова: степень достоверности / Эго-документы XX века. Литература, культура, история / отв. ред. И.Э. Кабанова (Фединские чтения). Вып. 7 // Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 92–99.

37. Папкива Е.А. Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 39–52.